

Хэ Чжуо первым делом принял холодный душ.

Человек, однажды переступивший порог смерти, несёт на себе отпечаток дурного знамения, и он панически боялся передать эту гибельную тень Цзи Тиньюю при новой встрече.

Накинув халат, он вышел из ванной, зачесав назад влажные волосы и замер перед зеркалом, разглядывая собственное отражение. Следы прошедших лет исчезли вместе со смертью, уступив место гладкой молодой коже, — лишь на мизинце правой руки красовался тонкий шрам, кольцом охватывающий фалангу ровно там, где в прошлой жизни был обрубок. Палец оставался целым, но этот рубец отпечатался на нём, точно родинка.

Хэ Чжуо не знал, было ли это предостережением свыше — как и тот обугленный камешек, зажатый в кулаке в момент пробуждения. Но теперь, получив второй шанс, он больше не нуждался в напоминаниях.

"Сяо Юй, жди меня..."

Опустив голову, он трепетно коснулся камешка губами.

Раздался стук. Хэ Чжуо открыл дверь, впуская посетителя. Личный помощник — бета в очках в тонкой металлической оправе — сразу перешёл к делу, зачитав сводку главных событий Ичэна за последние полгода. Хэ Чжуо катастрофически не хватало времени, и этот быстрый доклад помогал мгновенно вникнуть в реалии вернувшегося мира.

Закончив с деловой частью, ассистент поправил дужку очков на переносице:

— И ещё одно. Вчера вечером наследника «Чанмао Кэцзи» засняли в клубе «Белая лошадь». Оказывается, в свободное от работы время он подрабатывал там жиголо. Когда дело выплыло наружу, он устроил скандал, заявив, будто это его личное хобби.

Помощник доложил об этом не ради сплетен: вращаясь в одних кругах, следовало знать о каждом шаге бизнес-партнёров, дабы случайно не навлечь на себя чужую обиду.

Раньше подобные слухи пролетали мимо ушей Хэ Чжуо, но сегодня он неожиданно перебил:

— А что в семействе Цзи?

Помощник обомлел:

— Простите?..

— За эти полгода у Цзи ничего не произошло?

— Вы о Цзи, которые занимаются недвижимостью? — Ассистент снова поправил очки, полностью уверенный в своей осведомлённости. — Вас интересует старший молодой господин или сам глава?

— Я спрашиваю про Тинъюя. Младшего сына Цзи Чжоюаня.

Голос Хэ Чжуо оставался привычно прохладным, но при звуке этого имени в нём проскользнула нежная, трепетная нота — так называют лишь самого дорогого человека.

Помощник подбирал выражения с крайней осторожностью:

— Младший господин Цзи почти не бывает в стране. Поведение у него безупречное, никаких порочащих связей. Если уж и вспоминать что-то, так один недавний случай... к слову, отчасти касающийся и вас.

Хэ Чжуо мгновенно обернулся.

— На днях ваш отец праздновал шестидесятилетие. Младший господин Цзи позвонил поздравить его, но само поздравление вышло... мягко говоря, не слишком учтивым. Старый господин был вне себя от ярости.

— Вот как? И что же он сказал?

— Лично они не разговаривали — старый господин не успел взять трубку. Поздравление осталось на автоответчике. Сяо Юй пожелал ему счастливого дня рождения, скорейшего упокоения в раю и добавил, что дожить до шестидесяти — большая удача, так что стоит беречь себя и случайно не отдать концы...

Договорив, помощник поспешно опустил взгляд, боясь навлечь на себя гнев босса. Однако Хэ Чжуо лишь тихо усмехнулся:

— А он, оказывается, умел огрызаться... Жаль, что не свёл Хэ Шифэна в могилу на месте.

— Что?! — Помощник чуть не выронил очки от изумления.

Хэ Чжуо уже отвернулся, вернув лицу привычную холодность:

— Свяжи меня с секретарём отца.

— Слушаюсь. И ещё... Госпожа Дон проводит сегодня утром пресс-конференцию. Вы намерены присутствовать?

Дон Линь была мачехой Хэ Чжуо.

— Что она опять задумала?

— Госпожа заручилась поддержкой большинства акционеров и заблокировала ваш проект строительства электронного курортного комплекса. Она требует, чтобы на пресс-конференции вы публично признали, будто недавно выпущенную поисковую систему ЗСЕ разработал её сын, а вы лишь присвоили его заслуги. Только тогда акционеры изменят решение.

Хэ Чжуо вспомнил, что в прошлой жизни всё так и произошло. Желая продать проект курорта, он уступил — авторство поисковика не казалось ему чем-то принципиальным на фоне других задач, а никчёмному сыну Дон Линь требовался громкий статус. Но эта минутная слабость потом принесла ему бесконечные проблемы.

— Когда начинается конференция?

— Через час.

— Зайди за мной за десять минут до начала. И ещё... купи мне самый быстрый билет до Нивелла.

Если верить хронологии прошлой жизни, Цзи Тинъюй сейчас находился именно в военной зоне Нивелл. Мысли Хэ Чжуо унеслись далеко отсюда.

— Я уеду за границу на некоторое время. До моего возвращения можешь быть свободен. Оклад сохраняется, уходишь в бессрочный отпуск. И о том, что я спрашивал, — никому ни слова.

Ассистент едва удержался от ругательства. На секунду он искренне пожелал, чтобы босс вообще никогда не возвращался из этой поездки.

Оставшись один, Хэ Чжуо мысленно восстановил картину. В то время они с Цзи Тинъюем ещё не были знакомы, и о проклятиях в адрес отца он не знал. Впрочем, Хэ Шифэн получил по заслугам. В молодости тот настойчиво добивался матери Тинъюя, а получив отказ, прибег к самым грязным уловкам. В результате репутация женщины была разрушена, и ей даже пришлось на время покинуть страну. Так что этот звонок был простой местью за мать.

«Маленький дикий волчонок», — поглаживая камешек в ладони, Хэ Чжуо попытался

представить, как Тинъюй злится и ругается. Какое у него при этом выражение лица? Каким тоном он говорит? Опасно щурится или гневно таращит глаза?

Но образ никак не давался.

До их свадьбы в той жизни с Цзи Тинъюем уже случилась беда. Он вернулся израненным, сломленным, из дерзкого кота превратившись в пугливый, забитый комочек нервов. И Хэ Чжуо так и не успел узнать, что за кошмар произошёл тогда в Нивелле.

По сути, истинно живым и сияющим он видел его лишь однажды — юного, отчаянного всадника на заснеженном горном склоне, с вызовом спросившего, из какого он рода.

К счастью, теперь ему больше не нужно было гадать.

Вскоре секретарша прислала запись той самой голосовой почты. Аудиофайл тихо лежал в памяти телефона, но Хэ Чжуо всё не решался нажать на кнопку.

Целый год он не слышал этого голоса...

Словно в наказание за прошлые грехи, за три года брака Цзи Тинъюй не оставил в доме ни единого снимка, ни единой записи. Когда тоска выжигала Хэ Чжуо изнутри, ему не к чему было прикоснуться — ни звука, ни черты лица, лишь клочок жухлой шерсти да обугленный камешек.

Он пытался глушить боль алкоголем, надеясь увидеть его хотя бы во сне. Но Цзи Тинъюй не приходил. А когда приходил — это были кошмары.

Ему снилось, как тот ползёт в луже собственной крови на сломанных лапах. Снилось, как пламя обугливает рыжую шерсть маленького кота.

Иногда кот укорял его, спрашивая измученным шепотом:

"Чжуо-гэ, за что ты так со мной? Ты ведь говорил, что любишь... Мне так больно, сгорать так больно, спаси меня, умоляю..."

Эти сны мучили его сотни ночей, пока смерть не забрала его самого.

Хэ Чжуо сидел на кровати, сжимая телефон до хруста в суставах. Когда запись наконец запустилась, и он поднёс динамик к уху, дыхание перехватило.

Из динамика донёсся слитный, чуть насмешливый и ленивый голос:

— Алло? Привет. Это Цзи Тинъюй.

Хэ Чжуо зажмурился. Из льдисто-голубого глаза вытиснулась одинокая слеза.

"Сяо Юй... Я так скучал по тебе..."

За десять минут до начала пресс-конференции ассистент постучал в дверь номера. Внутри было тихо. Помощник помялся и ушёл.

А в это время Хэ Чжуо стоял в ванной, прижавшись спиной к холодному кафелю и запрокинув голову. Его кадык судорожно ходил вверх-вниз, сдерживая рвущийся из груди хрип.

Голос Цзи Тинъюя, доносившийся из наушника, снова и снова ласкал барабанные перепонки. Двадцатипятилетний Тинъюй толком не умел ругаться, повторяя одни и те же колкости, но для Хэ Чжуо его дерзкий тон звучал как сладкое кокетство.

Чем выше классом Альфа, тем неукротимее его вождение. Хэ Чжуо держал себя в узде почти полтора десятка лет, сквозь две жизни. Вырвавшись наружу, эта страсть грозила сжечь всё на своём пути.

Настойчивый звонок телефона прорезал тишину.

В самый последний момент Хэ Чжуо сдёрнул наушник. Вырвавшийся из горла глухой стон ознаменовал разрядку, и долго сдерживаемое напряжение спало.

Он ответил на звонок:

— Понял. Иду.

Голос звучал ледяным спокойствием, но в глазах горела непреклонная решимость. Это был его единственный шанс, купленный ценой собственной жизни, и он не намеревался его упускать.

Выйдя из номера в строгом чёрном костюме в тонкую полоску, он выглядел безупречным аристократом. Лишь витавший в воздухе едва уловимый тяжёлый аромат мускуса выдавал случившееся, из-за чего ассистент многозначительно повёл бровью.

На пресс-конференции Хэ Шифэн и Дон Линь уже вовсю вещали перед журналистами. Хэ Чжуо

вошёл под вспышки фотокамер.

— Прошу прощения, — его голос, раздавшийся из микрофона, мгновенно заставил зал умолкнуть. — Я спешу. С сегодняшнего дня я складываю с себя полномочия генерального директора и полностью выхожу из состава «Корпорации Семейства Хэ». Отныне её взлёты и падения меня не касаются.

Зал замер в шоке. А Хэ Чжуо, не обращая внимания на суматоху, наклонился к Дон Линь:

— Я уступаю. Теперь твой главный соперник — Хэ Шифэн. Убей его, и власть твоя. — Он вонзил десертный нож в яблоко на её тарелке. — Надеюсь застать тебя в живых, когда вернусь.

Путь из Ичэна в Нивелл занимал трое суток. Самолёт, скоростной поезд, затем старый состав, виляющий по предгорьям, и, наконец, полдня на разбитом автобусе сквозь метель.

Военная зона Нивелл встретила его лютым холодом, обшарпанными пограничными столбами и бесконечной чередой заснеженных пиков.

Нанятые гиды и охранники не уберегли рюкзаки — их украли на одной из остановок. К вечеру поднялся буран.

— Нам нельзя дальше! — кричал проводник, показывая на темнеющее небо. — В такую погоду остаться в горах — верная смерть!

Хэ Чжуо допил остатки воды из фляги:

— Доведёте до сервисной станции до темноты — заплачу в десять раз больше. Кто боится — проваливайте сейчас, расплачусь по тарифу.

Они успели добежать до придорожного пункта обслуживания как раз в момент, когда солнце окончательно скрылось за хребтами.

Уставшие спутники бросились в лавку за едой, а Хэ Чжуо, купив галету, присел у пылающего очага, прикидывая, сколько дней осталось до базы Журналистского корпуса.

И тут из глубины помещения кто-то громко окликнул:

— Начальник Цзи!

Хэ Чжуо замер. Кровь закипела в жилах, сердце сжалось с такой силой, что в ушах зазвенело.

Это было обращение подчинённых Цзи Тинъюя!

Он резко поднялся и обернулся.

На пороге, под обжигающими лучами угасающего заката, стоял тот, кого он искал сквозь пространство и время.

На Цзи Тинъюе была куртка цвета хаки. Он сидел на тяжелом мотоцикле, накренив его в сторону: половина его лица утопала в сумерках, а вторая пылала золотисто-алым светом заходящего солнца.

Он щурился от дыма, небрежно держа сигарету губами. Длинные, цвета спелой хурмы волосы были завязаны в небрежный хвост на затылке.

Подчинённый крикнул из лавки:

— Начальник, на лосось бюджета хватит?! Тут есть отличное брюшко!

Из-под мягких волос Тинъюя выскользнули два пушистых оранжевых ушка. Они чуть дёрнулись, выдав лакомку.

— Вырезка брюшка? — с ленивой грацией уточнил он.

— Да-да, самое жирное!

— Бери, — бросил он, и парень радостно возопил: «Да здравствует начальник!», устремляясь к стойке.

Тинъюй же, словно почувствовав чужой тяжёлый взгляд, медленно повернул голову:

— Ещё не нагладелся?

Голос звучал дерзко, с нотками привычной настороженности.

Но Хэ Чжуо не мог произнести ни слова. Он стоял не шелохнувшись, смотря прямо в его глаза, а собственное зрение застилала горячая пелена.

Цзи Тинъюй выпустил струйку дыма и с интересом оглядел незнакомого альфу:

— Эй... Ты из каких крайних краёв сюда прилетел, молодой господин?

И от этой простой, издевательской фразы Хэ Чжуо не сдержался — по его щеке покатилась слеза.

Всё вокруг — снежные пики, гул ветра, треск костра — перестало существовать. Остался только Цзи Тинъюй, озаренный светом заката.

Хэ Чжуо смотрел на его тонкие пальцы, подтянутые бёдра, очерченные узкими брюками, и на это бесстыдно-прекрасное, не затронутое горем лицо...

— Я кого-то тебе напоминаю? — Цзи Тинъюй прищурился, глядя на то, как взрослый, статный Альфа беззвучно плачет прямо перед ним. — Ты выглядишь так, будто потерял всё на свете.

— Я... ищу своего любимого.

— Потерялся? Можешь показать фото, я попрошу ребят поискать, — Тинъюй достал телефон.

— Кажется, я его уже нашел...

Хэ Чжуо сделал шаг вперёд и сжал его запястье. В его льдисто-голубых глазах вспыхнуло безумное, неукротимое пламя.

<http://bllate.org/book/20173/2105713>